

Об основных проблемах изучения творчества В. В. Маяковского

(Окончание. Начало в № 14 от 31 января)

2. В ряде книг, статей и в ходе недавно закончившегося в Союзе советских писателей обсуждения основных вопросов изучения творчества В. В. Маяковского ясно выявились две тенденции.

Одна тенденция — это изучение наследия Маяковского, его жизни и творчества, изучение, зачастую не свободное от ошибок и промахов, но **изучение**.

Другая тенденция — «защита» Маяковского от изучения его, попытка заменить изучение признаниями в любви, иногда искренними, иногда неискренними, попытка заменить изучение славословием, соединенным в ряде случаев с не слишком благовидными намерениями — между делом, в групповых интересах, свести счеты со своими литературными противниками.

Разумеется, эта вторая тенденция вредна. Необходимо создать атмосферу нетерпимости к такому «изучению».

Необходимо четко отделить вполне естественные на всякой свободной научной дискуссии споры людей, искренне стремящихся наилучшим образом разрешить научные проблемы изучения Маяковского, от той беспринципной групповой возни, которая сразу же всплыла на поверхность, как только на трибуну совещания в Союзе писателей поднялся С. Трегуб, а вслед за ним — А. Колосков.

А. Колосков вместо того, чтобы ответить на критику своих работ, данную и в печати и прозвучавшую на совещании, вместо того, чтобы попытаться разобраться в своих ошибках и тем помочь делу дальнейшего изучения творчества Маяковского, по существу ничего не признал, отмахнулся от критики. Он обошел все проблемы, связанные с исследованием творчества Маяковского, и выступил на трибуне совещания как исследователь всех и всяческих тридцатилетней давности ошибок и заблуждений критика В. Перцова, который выпустил книгу с иными взглядами на проблемы раннего творчества Маяковского, чем взгляды А. Колоскова.

Не разобрав и не оспорив книгу В. Перцова по существу, А. Колосков выступил с утверждениями, имевшими единственную цель: не опровергнуть взгляды В. Перцова, а попытаться политически скомпрометировать его, поломать ему ноги на первой же книге его исследования о Маяковском, чтобы ему не повадно было писать вторую.

Таков был смысл выступления А. Колоскова. Такова вредная тенденция, свойственная всем групповщикам, неизменно стремящимся растоптать любую книгу, являющуюся покушением на их «монополию» в той или иной сфере.

О выступившем на совещании С. Трегубе прежде всего следует сказать, что он, вопреки своим претензиям числиться исследователем творчества Маяковского, на деле таковым не является. В его книге «Живой с живыми» есть всего одна статья «Поэтический памятник Ленину», которую можно рассматривать как попытку исследования. Однако попытка эта хотя и выигрывает на фоне таких статей С. Трегуба, как «Школа Маяковского», но не отличается ни новизной привлеченного материала, ни глубиной исследования поэтики Маяковского. Не следует зачеркивать всего, что написано в этой книге С. Трегуба; в ряде мест ее, посвященных конкретным явлениям советской поэзии, есть верные суждения и оценки. Но в целом эта книга есть проявление той, уводящей в сторону от существа дела, литературной шумихи, которой занимается С. Трегуб вокруг имени Маяковского уже многие годы.

Эта шумиха на совещании в Союзе писателей приобрела в устах С. Трегуба характер нечистоплотного жонглирования терминами в целях политической дискредитации своих литературных противников.

Прозвучавшие с трибуны совещания в Союзе писателей истерические попытки С. Трегуба обвинять всех налево и направо в не любви и недоброжелательстве к Маяковскому есть не что иное, как стремление, во вред подлинной традиции Маяковского, отторгнуть от Маяковского чуть ли не всю советскую поэзию и саморекламно выставить на первый план собственную, исключительную трегубовскую «любовь» к Маяковскому. Такую «любовь» к Маяковскому, оборотной стороной которой является недоброжелательство почти ко

всей советской поэзии, нельзя назвать иначе, как любовью в кавычках.

Неоднократные попытки С. Трегуба, при помощи разговоров о необходимости буквального следования за формой Маяковского, заниматься прямым или замаскированным опорочиванием ряда крупнейших, неотъемлемо вошедших в сознание нашего народа явлений советской поэзии носят провокационный характер и преследуют цель изобразить двадцать три года существования советской поэзии после смерти Маяковского годами бедности и отсталости. Разумеется, в нашей поэзии было и есть много недостатков, мы должны, — и к этому обязывает нас пример Маяковского, — работать несравненно лучше, чем работаем сейчас, но изображать двадцать три года советской поэзии, как это пытается сделать С. Трегуб, годами бедности — никому не позволено, ибо это ложь!

Никто не ставит под сомнение дарования Николая Асеева, Семена Кирсанова или Михаила Луконина, но когда С. Трегуб в своей книге «Живой с живыми» пытается изобразить, что эти три поэта плюс Г. Горностаев и есть чуть ли не все подлинное освоение традиций Маяковского, то русская советская поэзия, сведенная к этим трем именам плюс Горностаев, выглядит действительно бедной, а традиция Маяковского — неосвоенной!

Никто не доставил больше помех широкому освоению традиций Маяковского советской поэзией, чем сектанты и начетники типа С. Трегуба, чья критическая работа на практике в большинстве случаев сводилась к попыткам разъединить, растащить нашу поэзию и должна быть ясно и четко охарактеризована, как явление политически вредное.

Упомянув о попытках протащить на трибуну совещания в Союзе писателей групповые взгляды, следует остановиться на одном существенном моменте, в разной форме прозвучавшем и в речи С. Трегуба и в речи Семена Кирсанова, которого в остальных отношениях неверно было бы ставить на одну доску с С. Трегубом, но который в данном случае поддержал вреднейшую попытку С. Трегуба столкнуть лбами разные поколения литературоведов и критиков.

С. Трегуб, а вслед за ним и Семен Кирсанов допустили на совещании демагогические реверансы в сторону молодежи, заигрывали с ней, намекая на то, что старое и среднее поколения литературоведов не годятся, но, дескать, скоро придут новые, молодые люди с чистыми руками, которыми и можно будет прикоснуться к Маяковскому.

Сомнений нет: приходят и будут приходить молодые люди и будут заниматься творчеством Маяковского, и будут делать это честно и чистыми руками, рядом со многими людьми, которые честно и чистыми руками занимаются творчеством Маяковского сейчас.

Это несомненно, но это будет выглядеть не так, как, очевидно, представляется С. Трегубу. Не групповой борьбинкой будут заниматься эти молодые люди и не группочки, пытающиеся монополизировать изучение Маяковского, пополняют они собой, а пополняют фронт советского маяковедения, который будет и дальше расширяться, вопреки всем усилиям подобных С. Трегубу людей, зараженных болезнью групповщины.

Демагогические заигрывания с молодежью, ластивые предложения пригласить ее в «истинные судьи» с тем, чтобы потом, воспользовавшись ее неопытностью, попытаться прибрать ее к рукам в своих групповых интересах, — прием не новый, и следует прямо напомнить, что хороших примеров подобного заигрывания с молодежью, как ни ройся в памяти, не приведем!

Наглядный пример того дурного влияния, которое на отдельных представителей литературной молодежи могут иметь подобные демагогические зазывания: «прити и рассудить», прозвучал на совещании в путаной речи молодого критика В. Огнева. В. Огнев, высказав несколько не лишенных интереса соображений по существу обсуждаемого вопроса, скатился затем на позиции групповой перепалки и позволил себе ничем не оправданные и грубо оскорбительные выпады против авторов книг, с концепциями которых он был не согласен.

Еще вредней влияние нравов групповщины сказалось на выступлении молодого критика В. Котова. В его речи на совещании, наряду с верными замечаниями о серьезных недостатках нашей поэзии, прозвучали столь зрелые демагогические приемы, что, судя по ним, он, несмотря на свою молодость, уже прошел первую закалку групповой борьбы. Прикрываясь демагогией, он стремился опорочить патристическую работу целого ряда советских поэтов и отгульно отказать им в следовании традициям Маяковского.

Говоря о проявлениях групповщины на совещании в Союзе писателей, следует упомянуть и выступление В. Катаняна. Высказав целый ряд хотя и однобоких, но по многим частностям верных замечаний о книге В. Перцова, В. Катанян не удержался на принципиальных позициях деловой критики и закончил свою речь обвинениями, носившими явно выраженный и недопустимый характер сведения литературных счетов.

Совещание в Союзе писателей вскрыло те серьезные элементы групповщины, которые мешают объединению сил для широкого, всестороннего изучения творчества Маяковского.

Совещание показало, что литературная общественность впредь не потерпит подобных попыток (откуда бы они ни исходили) подорвать объединение сил групповой возней, попыток монополизировать изучение творчества Маяковского в одних руках.

Пора покончить с демагогическими одиночными и групповыми воплями о своей исключительной любви к Маяковскому и с огульными подозрениями и облыжными обвинениями всех остальных в непонимании, неуважении, не любви к Маяковскому. Пора покончить с этой вредной для дела демагогией. Тем из повинных в групповщине литераторов, которые делают для себя верные выводы из критики, честно признают свои ошибки и отдадут свои силы общему делу, для этого открыты все возможности. А тем, кто и теперь не сделает для себя никаких выводов, полезно будет напомнить суровые слова Маяковского, сказанные в 1928 году:

«При прикреплении писателя к литературной группировке он становится работником не Советского Союза и социалистического строительства, а становится интриганом своей собственной группы».

Нам необходимо обеспечить научное, глубоко партийное по своему духу изучение творчества Маяковского, пресекая всякие попытки антиисторического подхода, всякие попытки улучшить или ухудшить что-либо в его творческом пути, который принадлежит истории и народу и в изучении которого не может быть допущено никакого политиканства, никакого и ничьего вкусового произвола.

Нынешнее состояние маяковедения, как это показало обсуждение в Союзе писателей, характеризуется невысоким идейно-теоретическим и профессиональным уровнем целого ряда работ, разобщенностью усилий, отсутствием единого направляющего центра.

Для того, чтобы добиться в дальнейшем решительного поворота к лучшему и обес-

печить широкий фронт работы, надо, прежде всего, чтобы один из важнейших вопросов советского литературоведения — вопрос изучения Маяковского **систематически** находился в поле зрения Союза писателей и его комиссии по теории литературы и критике.

Необходимо, далее, чтобы Институт мировой литературы нашел наилучшие формы для объединения людей, работающих над изучением Маяковского, подобно тому, как эти формы уже найдены для объединения людей, работающих над изучением Горького, и при этом привлеке к работе талантливую молодежь, занимающуюся творчеством Маяковского.

Признав недавно законченное изданием полное собрание сочинений В. Маяковского неудовлетворительным с точки зрения текстологии и изобилующим серьезными идейными ошибками в части комментариев, нужно в течение ближайших двух, максимум трех лет выпустить новое полное научное собрание сочинений Маяковского, которое в равной мере необходимо и читателям и исследователям. Институт мировой литературы имени Горького обязан заняться этим делом с академическим тщанием, но без академических темпов.

Давно уже необходимо упорядочить дело хранения, изучения и публикации материалов Маяковского и материалов, касающихся Маяковского, подобно тому, как это упорядочено в отношении архива Горького.

Нашим издательствам, от времени до времени выпускающим работы о Маяковском, следует с ленивых позиций самозатянуться на активные позиции планирования с привлечением к работе широкого круга исследователей Маяковского в Москве и на периферии.

Литературно-художественным журналам и «Литературной газете» следует расстаться с обыкновением вспоминать о Маяковском в апреле и забывать в мае и предоставить свои страницы для регулярного помещения наиболее интересных статей и отдельных глав из новых исследований о Маяковском, для систематического рецензирования всех выходящих работ о Маяковском.

Наконец, учитывая всю общенародную важность работы широким сплоченным фронтом над изучением творчества лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи, как уже было сказано выше, необходимо раз и навсегда покончить с давно внедрившейся в это большое дело и мешающей работе беспринципной групповщиной.

3. Говоря об изучении творчества Маяковского, нельзя одновременно, хотя бы кратко, не коснуться вопроса о продолжении и развитии традиций Маяковского в нашей современной поэзии.

Что такое традиция Маяковского? Об этом лучше всего сказал сам Маяковский:

все, что я сделал,
все это ваше —
рифмы,
темы,
дикция,
бас!

Мы, советские поэты, обязаны спросить себя, в какой мере действительно сейчас все это наше, то, о чем Маяковский сказал, — «все это ваше».

Насколько хорошо мы пользуемся этим наследством, если понимать наследство, как живую традицию? А только так его можно и должно понимать.

Прежде чем ответить на этот вопрос, давайте еще раз кратко вспомним, что сделал Маяковский.

Маяковский еще юношей поднял голос против капиталистического строя, против империалистической войны.

Маяковский между Февральской и Октябрьской революциями задумал, а в 1918 году закончил первую революционную пьесу «Мистерия-Буфф», в которой героическая мечта об обетованной земле коммунизма сочеталась с беспощадной сатирой на буржуазное общество.

Маяковский в 1924 году написал замечательную лиро-эпическую поэму о Ленине.

Маяковский в 1927 году написал поэму — гимн первому десятилетии Советской власти с таким взглядом в будущее, которого хватает на десятилетия.

Маяковский поехал в Соединенные Штаты Америки и беспощадно в стихах и в прозе разоблачил всю мерзость и низость капиталистического строя Америки.

Маяковский в десятках гневных сатирических стихов год за годом, не устывая, напоминал о том, что классовая борьба продолжается, что родимые пятна капитализма существуют, что в нашей среде еще есть дурные, фальшивые, враждебные нам люди, с которыми надо бороться засучив рукава.

Маяковский неустанно бичевал в искусстве всякие попытки сесть и отдохнуть у тихой речки и любоваться на мирный небосвод.

Наконец, Маяковский на протяжении многих лет в удивительных по силе стихах писал о любви — большой, верной, бескомпромиссной, хотел только такой любви,

только ее считал красивой. И эта сторона его работы — не надо забывать — тоже входит в понятие — «все, что я сделал, все это ваше».

Таковы темы.

Но были еще и рифмы, и дикция, и бас, — то есть, характер его поэзии, то, как Маяковский ставил эти темы, как он решал их, а решал он их не как комментатор, которых, к сожалению, еще немало есть у нас в поэзии, а как агитатор, горлан и главарь.

Можно ли превращать вопрос о следовании поэтическим традициям Маяковского в вопрос о следовании сумме поэтических приемов Маяковского? Можно ли заявлять — как это по существу делает С. Трегуб — о том, что внешняя похожесть поэтических приемов есть главный критерий в определении школы Маяковского?

Нельзя представить себе ничего более антимаяковского, чем это формалистическое утверждение.

Характер поэзии Маяковского определялся прежде всего той задачей, которую ставил перед собой поэт, — быть агитатором, горланом, главарем поэзии во имя победы коммунизма. Ставя эту задачу, он искал поэтических приемов, которые соответствовали ее наиболее боевому решению.

Так как же, спрашивается, можно переворачивать весь вопрос с ног на голову и на основании чисто формальных аналогий в построении стиха записывать в число наиболее плодотворных продолжателей Маяковского людей, которые подчас даже вовсе и не стремятся ставить перед собой те задачи большого общественного размаха, какие ставил перед собой Маяковский, а стало быть, и не идут по существу за его традицией. (Причем речь здесь, разумеется, не о масштабах дарования, а о самом направлении работы).

Пополнять ряды людей, следующих Маяковскому, исходя из формальных аналогий, значит подходить к делу и узко и неверно по существу.

Но есть и другой неверный подход к вопросу, который хотя и кажется, на первый взгляд, широким, однако широта его — мнимая.

Довольно широко бытует обыкновение говорить, что все без исключения советские поэты в той или иной мере работают в традиции Маяковского, что все испытывают на себе влияние Маяковского, что все, таким образом, его ученики, и, стало быть, — о чем беспокоиться? Раз все советские поэты, которые работают после Маяковского, автоматически зачисляются

в число людей, которые в той или иной мере следуют его традициям, а Маяковский — лучший, талантливейший поэт

советской эпохи, то, значит, у нас в поэзии сейчас все благополучно.

Между тем это, конечно, не решение проблемы, а только метод ухода от критики, замазывание ряда реальных слабостей нашей поэзии. Это напрасная массовая амнистия целому ряду наших поэтов, плохо и мало работавшим в последнее время, не поставившим перед собою во весь рост задачи стать агитаторами и поэтами оказавшимся комментаторами, не главарями, а обозниками нашей литературы.

Итак, обе постановки вопроса неверны. А что же верно?

А верно — и об этом нужно сказать со всей прямотой — то, что великая и боевая традиция лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи ныне в нашей поэзии осваивается еще не так, как это должно было бы делать, меряя масштабы поэзии масштабами деяний нашего народа. При этом следование традициям Маяковского подменяется часто суесловием, которое не может заменить дела, то есть истинного и широкого следования традициям великого поэта. А что это значит? Это значит прежде всего делать свое поэтическое дело, как Маяковский, зная, видя и претворяя в стихах то главное, что в тот или иной период жизни страны нужней всего, важней всего партии и народу.

Вопрос о традициях — это вопрос не о том, написан «Владимир Ильич Ленин» или «Хорошо!» «лесенкой» или не «лесенкой», а вопрос о том, что Маяковский создал поэмы о Ленине, о партии, о стране.

Тот, кто поставит себе подобного размаха задачу и в меру своих сил постарается выполнить ее, «лесенкой» он напишет или не «лесенкой», будет следовать традиции Маяковского.

Маяковский написал поэму «Хорошо!», обозрев первое десятилетие существования советской власти. А недавно, в ноябре, исполнилась 35-я годовщина Великой Октябрьской революции, и, однако, никто из нас, поэтов, не попробовал оглядеть с этой исторической вышки поэтическими средствами то, что произошло в нашей стране за 35 лет! А ведь такая попытка была бы как раз попыткой творчески следовать традиции Маяковского.

Маяковский писал «Мистерия-Буфф», и «Про это», и «Левый марш», и «Прозаседавшиеся», и подписи к плакатам РОСТА, и «Разговор с фининспектором о поэзии», и «Лучший стих» — о том, что «Рабочими и войсками Кантаона взят Шанхай», и стихи о том, что член ЦИКа оказался помпадуром; он писал о вселении Ивана Козырева в новую квартиру, и о том, что «Маруся отравилась». Он грузил

на плечи своей поэзии весь груз жизни, которой жила страна и которой жил он — великий гражданин своей страны.

Как может любой поэт говорить о следовании традиции Маяковского, не стремясь в меру своих сил поставить перед собой хотя бы существенную часть тех задач, которые ставил перед своей поэзией Маяковский?

Когда он вступал в литературные споры, он никогда не обрушивался на то, что другие поэты не пишут «лесенкой».

Он воевал за то, чтобы другие поэты именно так, как он, смотрели на задачи поэзии, — вот что было для него главным!

Неверно зачислять всех поэтов подряд, автоматически в последователи традиции Маяковского. Сказать, что тот или иной поэт плодотворно работает, продолжая традицию Маяковского, значит оказать ему высокую честь, которой не заслуживают те из нас, кто не ставит перед собой больших гражданских задач, какие ставил перед собой Маяковский.

Спрашивается, как можно, ратуя за подлинные традиции Маяковского и любя советскую поэзию, ставить вопрос так, как поставил его С. Трегуб в своей статье «Школа Маяковского», в которой он из всей нашей поэзии военных лет в качестве чуть ли не лучшего примера продолжения традиций Маяковского привел мало удачное стихотворение Николая Асеева, руководясь исключительно соображениями формального и вдобавок весьма сомнительного сходства. Этот пример наглядно показывает, что происходит, когда вопрос о традициях злонамеренно ставится с ног на голову. Николай Асеев имеет крупные заслуги перед советской поэзией, но неужто же он, — как раз в годы войны не создавший ничего сколько-нибудь боевого, признанного народом, — неужели же именно он в данном случае должен был послужить С. Трегубу примером продолжения традиций Маяковского в самую грозную годину жизни нашей страны? Неправда это! Там, где полагает С. Трегуб, традиция Маяковского в ту годину и не ночевала; она жила в сурьковой землянке, она была там, где «смелого пуля боится, смелого штык не берет», она плавала через ледяную воду вместе с Василием Теркиным!

В годы Великой Отечественной войны наша поэзия немало поработала в лучших традициях Маяковского.

Не следует скидывать со счетов и многое, сделанное нашими поэтами и в русской поэзии и в поэзии братских народов после войны и вполне достойное традиций Маяковского.

Но сейчас наша задача, думается, все же не в том, чтобы составлять список

поэтических успехов за последнее десятилетие; о них в нашей критике уже говорилось достаточно. Думается, что после минувшего мало удачного, вялого поэтического года будет верней и плодотворней, оглянувшись и на этот год и на предыдущие годы, обратить внимание прежде всего на то, где мы не следовали традиции Маяковского, где у нас есть упущения, которые, трезво их признав, нам надо восполнять и наверстывать.

Для примера задумаемся над таким фактом. Партия несколько лет назад со всей остротой поставила перед деятелями культуры, в том числе и перед нами, литераторами, вопрос о борьбе с космополитизмом и с низкопоклонством перед буржуазной заграницей. Вся страна была возмущена фактами низкопоклонства перед Западом. Литераторы, в том числе и поэты, выступили со многими боевыми статьями и речами, но... стихов, в которых бы в поэтической форме были выражены народный гнев, народное презрение к низкопоклонникам, мы не написали. И когда нам нужно сейчас назвать стихи о борьбе с низкопоклонством, мы вынуждены опять и опять цитировать Маяковского, его стихи «Нашему юношеству», где идет речь о грузинской и татарской академиях, которые между собой «переписываются по-французски», или его же слова из стихов об Америке:

У советских
собственная гордость:
на буржеев
смотрим свысока.

Прочитывать еще раз блестящие строки Маяковского, разумеется, всегда хорошо, но следует помнить, что это не может ни оправдать, ни заполнить пробелов в нашем собственном «строчечном фронте».

Возьмем в качестве еще одного примера такое важное дело, как борьба с отрицательными явлениями нашей жизни, с дурными, фальшивыми людьми, с бюрократами, с подхалимами, с жуликами, с двурушниками, со всякого рода негодями, которые еще не перевелись, с разными мерзавцами, что, как говорил Маяковский, «ходят по нашей земле и вокруг».

Чем мы, поэты, можем здесь за последнее время похвастаться, или, вернее, чем мы можем подтвердить, что плодотворно работаем в этом смысле в традиции Маяковского? Разве что своими статьями, где мы по этому поводу то и дело цитируем стихи Маяковского то о бюрократе, то о подхалиме, то о ханже.

Почему, спрашивается, имея в поэзии традицию такой беспощадной, уничтожаю-

щей сатиры, какую нам оставил Маяковский, традицию, в свою очередь опирающуюся на великую традицию Некрасова, — мы громадное дело поэтической сатиры по существу целиком передоверили очень узкому кругу далеко не самых сильных наших поэтов, причем в большинстве своем работающих скорей в жанре юмора, чем в жанре сатиры.

Почему мы привыкли к тому, что наши лучшие советские поэты годами не выступают на страницах газет и журналов с сатирическими произведениями?

Почему против кое-где еще гнездящегося у нас бескультурья, против таких еще бытующих у нас в разных углах темных пятен, как матерщина, грубость, хулиганство, выступает со статьей прозаик Федор Гладков и почему не выступают поэты со стихами, бичующими остатки этих позорных явлений? Почему поэты не следуют здесь традиции Маяковского?

Наконец, самый недавний пример — разоблачение группы врачей-шпионов, агентов сионистского «Джойнта», американской и английской разведок.

Нас всех это волнует, мы все возмущены поистине античеловеческой звериной деятельностью этих убийц в белых халатах.

Но спрашивается: каким поэтом уже напечатаны в газетах стихи о разоблачении этих убийц? Почему наше омерзение, презрение, ненависть еще не выражены в гневных, бичующих врага и призывающих к бдительности стихах?

То, что таких стихов еще не появилось, означает недооценку многими нашими поэтами той непосредственной действенной, разящей силы поэтического слова, которую так хорошо знал и которой так мастерски пользовался Маяковский.

Достаточно привести все эти факты, чтобы сказать: нет, не пристало нам успокаивать себя тем, что все мы уже успешно и в должной мере следуем традициям Маяковского. Перед нами еще непочатый край дел, которые мы, следуя этим традициям, обязаны дополнительно нагрузить на плечи поэзии.

Мы часто повторяем строки Маяковского: чтоб больше поэтов хороших и разных.

Но, повторяя, мы до конца не вдумываемся в эти слова — хороших и разных.

(Окончание на 4-й стр.)

Об основных проблемах изучения творчества В. В. Маяковского

(Окончание. Начало на 2—3 стр.)

Да, это значит **разных** по художественным индивидуальностям, **разных** по поэтическим приемам, но это не значит **разных** по отношению к делу, то есть к тому, что такое поэзия в жизни поэта. Нет, тут Маяковский был против разных. Он был за одинаковых в своем отношении к делу, в стремлении погрузить все трудности и все радости, все волнения и все противоречия жизни на плечи поэзии, ею выражать все — «о времени и о себе».

Не механическая, а подлинная творческая учеба у Маяковского, уже многим обогатившая нашу поэзию, может обогатить ее еще больше.

Противопоставляя творческую учебу механической, задумаемся в связи с этим лишь над одним показательным примером. Что значит, вспоминая, скажем, об «Окнах РОСТА» эпохи гражданской войны, творчески, а не механически следовать традициям Маяковского?

Некоторые наши товарищи с самыми хорошими намерениями сочли, что вспомнить «Окна РОСТА» и наилучшим образом продолжить традицию Маяковского в дни Великой Отечественной войны означало выпустить по точному образцу и подобию «Окна РОСТА» — «Окна ТАСС».

Можно ли это назвать творческим продолжением традиций Маяковского? Вряд ли! Думаю, что не этим повторением пройденного стал бы заниматься Маяковский, не «Окна ТАСС» делал бы он во время Великой Отечественной войны, будь он жив. Нет! В новых условиях и оружие его было бы новым, более массовым, более мощным, под стать во много крат возросшей монии страны. Его голос гремел бы каждое утро и каждый вечер на весь Советский Союз по радио. Вот где говорил бы Маяковский с народом. Вот о чем он мечтал еще при жизни. Говорил бы стихами. Говорил бы на всю страну. Говорил бы сегодня о том, что произошло вчера, и заглядывал бы в завтра.

Как не подумать о радио, об огромных возможностях работы поэта на радио, думая о традиции Маяковского?

У нас есть все основания, говоря о творческом продолжении традиции Маяковского, вспомнить и о газете, и о том неоправданно скромном месте, которое занимает у нас сейчас в газете поэзия. Мы сейчас в большинстве случаев печатаем стихи в газетах в качестве украшения, дополнения, чаще всего праздничного, к статьям и выступлениям. Если говорить о традициях Маяковского, то стихи в газетах должны выглядеть не так. Стихи Маяковского не были украшением к статьям, они заменяли статьи, они не комментировали выступления, они были сами выступлениями на важнейшие общественные темы. Поэтому и вправе был сказать о себе Маяковский:

Я хочу,
чтоб в дебатах
потел Госплан,
мне давая
задания на год.

Маяковский почти с самого начала своего поэтического творчества пошел по пути человека, в поле зрения которого попадает целый мир, человека, разговаривающего с собеседником, со страной, с человечеством, с миром, с вещами, с пароходами, с океаном — со всем, с кем и с чем он имеет дело.

Маяковский — это трибун, собеседник, полемист, то возвышающий голос до грохота, то холодно разящий иронией, то, глядя в глаза человеку, говорящий самые простые сердечные вещи. Всегда — говорящий!

Читать стихи Маяковского вслух или не вслух, глазами, — все равно значит слушать его разговор с собой. В этом величайшая сила их воздействия, их убедительность, основанная на собственной убежденности поэта. В этом тайна той удивительной многожанровости, в которой работал Маяковский.

В книгах Маяковского с читателями говорит стихами человек, который избрал для себя как основное средство выражения **всех** своих мыслей и чувств стихи, **именно** стихи.

Вот о чем следует думать, вспоминая Маяковского, читая его, желая учиться у него.

Не пытаться говорить чужим, не своим голосом, подражая индивидуальным интонациям голоса Маяковского, примитивно это понимая и пыжась, а найти в себе те собственные возможности, которые в той или иной мере заложены в каждом поэте, для разговора по-маяковски с читателем, с народом, со страной, на все самые волнующие страну и народ и самого тебя темы, — вот в чем задача!

Заставив посторониться групповщиков, формалистов и начетчиков, которые в течение ряда лет узко, отпугивающе разъясняли, что такое традиции Маяковского, и тем делала вредное дело, мешавшее подлинному и широкому освоению традиций Маяковского, покончив с вреднейшими, несмотря на всю их смехотворность, трюбовскими приемами механической примерки поэтической формы Маяковского поочередно к каждому поэту, — давайте примерим характер и богатырский размах поэзии Маяковского ко всей нашей поэзии и в свете этого оценим, что мы делаем и чего недоделываем.

А недоделываем мы еще очень и очень много. Учитывая наши немалые силы, честно и непредубежденно оглядывая их, правильно и полезно будет сказать о нашей во многом еще плохой работе; сказать, отмечая в то же время неверные и вредные попытки говорить о нашей мнимой бедности.

И, наконец, в связи с этим — последнее: поэт Владимир Маяковский работал над стихами, как величайший труженик поэзии. Давайте последуем и этой немаловажной его традиции и вспомним те в высшей степени знаменательные слова о работе поэта, которые Маяковский сказал в 1930 году на вечере, посвященном двадцатилетию его деятельности.

«Товарищи, вторая моя задача, это — показать количество работы. Для чего это мне нужно? Чтобы показать, что не то что восьмичасовой рабочий день, а шестнадцатичасовой рабочий день характерен для поэта, у которого огромные задачи, стоящие сейчас перед республикой. Показать, что нам отдыхать некогда, нужно изо дня в день не покладая рук работать пером».

Об этих словах Маяковского не вправе забывать ни каждый советский поэт в отдельности, ни вся советская поэзия в целом.

Посевная площадь составляла 14.710 дов, * из них 9.659 хольдов принадлежали крупным поместьям с количеством более тысячи хольдов в каждом. Таки разом на долю крестьян приходилось 5.051 хольд, т. е. в среднем меньше один хольд на человека.

У 238 семей было менее одного хольда, а у 659 семей вообще не было клочка. Село Дубоз в прошлом — сел раков, поденщиков, землекопов.

Какие же изменения внес сегодня день в жизнь села и его людей? О них рассказывает мне председатель сельского та Габор Далмади. Наша беседа идет роливо. Мы сидим друг против друг курим. Председатель иногда замолкает тирает стекла очков или гладит лист бумаги, словно стирает с него. Тогда молчание затягивается, я отклад перо и смотрю в окно. В комнату за люди, снимают промокшие шляпы и живаются на длинную скамью у с Временами они вставляют свое с разговор. Так вырисовывается ка новой жизни села.

— Врачебный пункт нам обошелся рок тысяч форинтов, клуб — в сто десят тысяч форинтов, — говорит претель. — Три тысячи рабочих дней от тали трудящиеся села добровольно, построить этот клуб — один из крас ных дворцов культуры во всем ком В бывшем графском замке сейчас рас гаются школа, местная организация трудящейся молодежи Венгрии и ко кооператива по совместной обработке А графский парк сейчас открыт для там устроен стадион.

— Земля, — вставил один из пр ствующих и начал подсчитывать, за пальцы на руке, — всего, значит, хольдов разделили между крестьяна 1945 году. Три сельскохозяйственных изводственных кооператива действую час в Дубозе: имени Петефи, «Сеяте, вот только на днях организовался коо тив «Новая жизнь».

— Хутор Герда, — говорит друг раньше был господским двором с ма кими батрацкими лачугами вокруг. перь там проведено электричество, уст лен телефон. За последние четыре го хуторе построено 105 новых домов. П жена асфальтированная дорога, откр школа, начал работать клуб.

— Теперь мы строим узкоколейную лезную дорогу в Бекенчабу. Скоро

* Хольд — 0,57 гектара.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: сек внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации —

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.